

Дмитрий МИЗГУЛИН
СТИХОТВОРЕНИЯ

Dmitriy MIZGULIN
POEMS

Литературный фонд «Дорога жизни»

Санкт-Петербург
2025

Дмитрий МИЗГУЛИН
СТИХОТВОРЕНИЯ

Dmitriy MIZGULIN
POEMS

Санкт-Петербург, 2025
Любавич

Sankt-Petersburg, 2025
Lubavitch

УДК
ББК
М57

Д. А. Мизгулин

М57 Роемс=Стихотворения / пер. С. М. Рабинович; ред. В. А. Рыбакова; вёрстка, дизайн – А. А. Евменова. – Санкт-Петербург: Литературный фонд «Дорога жизни»: Любавич, 2025. – 72 с., фот. – Текст на русском и английском языках.

ISBN

В книгу вошли лирические стихотворения известного русского поэта Дмитрия Мизгулина, лауреата Всероссийских и международных премий.

Музыка русской поэзии – голоса её бессмертных традиций... Они просвечивают в лаконичном, сдержанно-грациозном мизгулинском стихе.

Переводы на английский выполнены членом Союза российских писателей Славой Рабинович из Екатеринбурга.

УДК
ББК 84
(2Рос=Рус)1-6

ISBN ***_*_*_*_*_*_*_*_*_*_*

© Д. А. Мизгулин, 2025
© С. М. Рабинович, перевод 2012
© В. А. Рыбакова, редактор, 2025
© А. А. Евменова, дизайн, 2025

СТАРАЯ ЛАДОГА

Молчат над Волховом курганы,
Былинный ворон чертит высь,
Страстей вселенских ураганы
Давно в могилах улеглись.

Смотрю, как волховские волны
Стремятся в ладожский простор,
И глупым кажется, никчёмным
Любой серьёзный разговор.

Что наши страсти и сомненья,
Пустопорожние слова...
Склоняется без сожаленья
Под ветром летняя трава.

Сжимая памяти обмылок,
Бреду, молитвою храним...
И вечность дышит мне в затылок
Немым язычеством своим.

THE OLD LADOGA¹

Over the Volkhov² sleep the mounds,
Bylina's³ raven draws the height.
The Universe's storms of passions
long since in burial grounds lie.

I see, how the grey Volkhov's waves
are rushing into free expanse
of Ladoga – and all the words
seem to me silly in the haze.

For what are our passions, strives,
all doubts and all the idle talks?..
There bends itself without regret
the grass – under the wind it rocks.

Gripping the memory's poor shreds,
I'm trudging, saved by prayer, but withered...
Eternity behind my head
with its mute paganism breathes.

---

¹ Ladoga – lake into which the Volkhov flows.

² Volkhov – river in the North-West of Russia.

³ Bylina – Russian traditional heroic poem.

* * *

Дни нашей жизни коротки.
А ночи? Ночи бесконечны.
Туман над берегом реки,
А в небе – Путь блистает Млечный.

А в небе – полная луна.
Молчит листва. Собака дремлет.
Покой вокруг. И тишина
Насквозь пронизывает землю.

Склонюсь к воде – волна легка.
Звезда в руках засеребрится.
И жизнь, как лунная река,
Сквозь пальцы медленно струится.

* * *

The days of our life are short.
And nights? Oh, nights are almost endless.
White haze over the river's bank,
stars – in the sky, in churches – candles.

Full moon comes out to show the way.
The leaves keep silent, all is quiet,
the dog in drowsiness – the earth
is also permeated by it.

I'll bend to water – waves are light,
a star will be caught in my hand.
And life of mine is like the Moon's stream
will through my fingers fall as sand.

* * *

Он шёл толпе наперекор
И, выйдя из водоворота,
Перекрестясь, зашёл в собор,
Прикрыв тяжёлые ворота.

И отступила темнота,
На паперти застыли тени,
Он встал пред Образом Христа,
И опустился на колени.

Кто был он – мытарь или вор?
Просил прощения? Покая?
Но всем чертям наперекор
Крестился правою рукою...

Он слов молитвы не учил,
Но всё же как-то изъяснялся,
И отблеск от его свечи
Под самым куполом метался.

Он вышел, осенью дыша,
И, деньги раздавая нищим,
На миг почувствовал – душа
Затеплилась на пепелище.

Вот так, преодолевая тьму,
Он утолил свои печали,
И нищие вослед ему:
«Храни Господь тебя!» – кричали.

* * *

He walked alone against the crowd,
and tearing himself from maelstrom,
crossing himself, he came in the cathedral,
shutting the gates, as if of home.

And Dark receded as from Sun,
the shadows thickened at the parvis.
He stood still at the image of Christ,
went down on knees, exhausted, starving.

Who was he? Tormentor or thief?
What begged he? Absolution – or rest?
But counter to all the devils
with the right hand he crossed his breast.

He didn't know the words of prayer,
and he was speaking in a hoarse tone.
And the reflection of his candle
was flickering high at the dome.

He went out breathing with the spring,
throwing to beggars all his income.
And for a moment did he feel –
the Soul went glimmering at old home.

That's how surmounting the dark,
he was relieving all his sorrows.
And beggars, running after him:
"God save you man", – shouted in chorus.

* * *

Какая осень! После бани
С устатку выпью двести грамм.
Пора, пора готовить сани,
Пора готовиться к снегам.

Поверишь – целый день в заботах,
Так что кружится голова –
Покрасил заново ворота,
С размахом нарубил дрова.

Сушу грибы, варю варенье
И не боюсь пропасть во тьме.
Готовлюсь не спеша к забвению,
Как к продолжительной зиме.

* * *

Look, what an autumn! After bathhouse
a glass of vodka sweetly goes.
I'll start preparing a firm sledge,
not to be caught by heavy snows.

The whole day is whirling in troubles,
so that my head is going round –
to stain anew the gates and fencing,
to chop the firewood I'm bound.

Cooking preserves and drying mushrooms,
not to be lost in cold and darkness –
and to oblivion ready getting,
as to a winter never ending.

* * *

Скоро мы оставим мир подлунный,
Чтоб потом преданиями стать...
Всё равно мне – готы или гунны
Будут эти земли населять.

Птица пролетит легко, беспечно,
Зазвонит в ручье лесном вода,
Многое останется навечно,
Многое исчезнет навсегда.

Здесь же всё останется как было,
Это небо, роща и река,
Это многоликое светило,
Эти грозовые облака.

Не решай судьбу иных столетий!
Не гадай о будущем в тоске,
Слушай, как степной полынный ветер
Говорит на русском языке.

* * *

We shall leave soon the sub lunar world
to become a legend in the end.
Goths or Huns – it's all the same for me,
will be settled on this dear land.

Careless redbreast will so sweetly sing,
in a wood a brook will sweetly ring.
Much of being will be gone for ever,
much will stay for long, as mountain ridge.

Here all will hold out as it was,
all, that's seen: this forest, river, sky,
also, this enchanting heavenly sun,
also, these dark storm clouds, going by.

Don't for tell the fate of other times,
don't be sick at heart at future's might.
Listen, how the wind of steppes and wormwoods
Speaks the Russian language with delight.

* * *

Молюсь исправно Богу. Но
Не вяжутся слова молитвы.
Душа – как будто поле битвы,
В ней всё огнём опалено.

Горит в ночи моя свеча.
Казалось бы – читай, внимая,
Но, вещих слов не понимая,
Бросаю книгу сгоряча.

Но слышу – я ещё не глух, –
Как тень звезды скользит по крыше.
Господь, верни мне скорбный слух,
Чтоб сам себя я смог услышать.

* * *

I pray to God – right as I should,
but words of prayer are dismayed or rigid.
My soul is like a battle field –
it's all as if by fire singed.

My candle's burning in the night.
Why can't I read my Book in its light?
I can't feel the prophetic word –
I'm throwing off the Book, oh, Lord.

But then I feel – I'm not dumb yet –
how the star's shade along the roof is sliding!
Give back to me my mournful spirit, oh, Lord
to comprehend for what I'm striving.

* * *

Весной обычно спится плохо.
И беспокойно на душе.
Апрель. Кончается эпоха.
Скрипит Земля на вираже..

А мне твердят, что невралгия,
Поменьше есть, поменьше пить.
Но мир другой. И мы другие.
И ничего не изменить.

А нам рассказывают сказку,
Что жизнь безумно хороша,
Но так близка уже развязка,
Когда в огне сгорит душа!

Объял планету адский пламень,
Кругом беда, кругом война.
Я в храм войду. И пусто в храме.
И в храме Божьем – тишина.

И посреди всемирной битвы
В канун вселенского конца
Шепчу слова своей молитвы,
Как бы от третьего лица.

* * *

In spring you badly sleep at night
the soul is somewhat restless, sickly.
April. The epoch somewhere at the end.
It's now just at a bend is creaking.

They say again and still again,
that neuralgia is the cause.
Eat less, drink less – oh, what a prose –
we – and the world have changed with pain.

And they are telling us a tale,
that life is lovely to distraction,
so near is the upshot yet,
when will the soul be burnt in action.

The planet's gripped by bedlam's flame,
all round is war, all round is illness.
I'll come in church – it's empty in the church.
In the cathedral of the God is stillness.

Amidst the universal battle,
and on the eve of coming doomsday
I'm whispering words of private prayer,
as if another one them says.

В СТАРОЙ КОРОЛЕВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

Господь определит судьбу:
Кто – в адмиралы, кто – в поэты.
Ему – разглядывать в трубу
Чужие звёзды и планеты.

Трудился много лет подряд
И познавал устройство мира...
И небо всё твоё, и сад,
И эта тесная квартира.

Но ни иконы, ни креста,
Ни Библии я здесь не видел...
А в целом же судьба проста:
Жизнь прожил – мухи не обидел.

Тускнеют, ослабев, глаза,
И плечи сгорбились убого...
Всю жизнь смотрел на небеса,
Да так и не увидел Бога.

AT THE KING'S OLD OBSERVATORY

The Lord destined us – everyone –
the fate – the King or valets.
The fate of his, to gaze in tube
the distant stars and planets.

He labored dozens years running,
he studied well the world's layout.
He had them all: the skies, the garden,
all his small circle – in and out.

But not an icon, not a cross,
and not a Bible in the height.
Yet, as a whole, his fate is common –
he lived a life not harming a fly.

And now his eyes got weak and dull,
His back has stooped of age and pain.
All of his life he looked at skies,
but didn't find the God in them.

* * *

Ты ждал наступленья зимы,
Как ждут избавленья от боли,
А ветры в желтеющем поле
С утра затянули псалмы.

Ты ждал наступленья зимы.
Ты ждал на исходе недели,
Как сказку, ночной снегопад,
А думал, совсем невпопад,

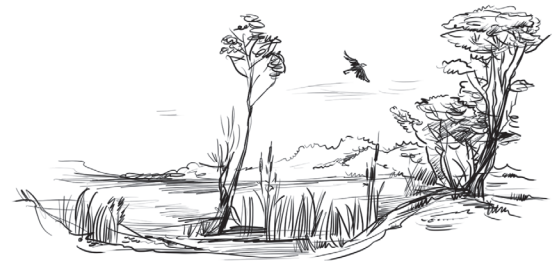
О птицах, что к югу летели,
О птицах, что с юга летят...

* * *

You waited for winter's approach
just as for pain-relieving balms,
and winds in the fields, getting yellow,
from morn started singing the psalms.

You waited for winter's approach,
you waited it so at the weekend –
a fairy-tale of the snow lace –
and thought, which was quite out of place:

of birds, who were flying to Southlands,
of birds, who were turning the eyelids –
at dear birthplace for to gaze.

* * *

Похоронив отца и мать,
Тогда не ощутил сиротства:
У молодости превосходство –
Без слёз беду воспринимать.

Привычной чередой потерь
Привык вносить за счастье плату.
Так отчего же вдруг теперь
Былую ощутил утрату?

Мне снится мать. И смех отца
Доносит шум ветров далёкий...
Ужели своего конца
Незримо ощущаю сроки?

Об этом думать не хочу.
И в пустоте дневного храма
Затепаю жёлтую свечу
И помяну отца и маму.

И воспарит душа, легка,
И зашумит листвою лето,
И памяти моей река
Несёт меня навстречу свету.

* * *

I buried Mom and Dad in bad times –
then didn't feel myself an orphan:
the superiority of young –
not to shed tears very often.

Even at death – by common losses chain
I'm used to pay my charge for happiness.
Why now, when I'm close to end,
I all at once feel loss and pains.

I see my mommy in the dream,
and dad is laughing through the lightning.
And do I really feel the end
of time, given out by the Almighty?

I won't think of any bad.
And in the daylight's empty church
I shall light up a yellow candle –
and I'll remember mom and dad.

My soul will soar, so light and calm,
the leaves of summer rustle and stir,
the stream of memory is running –
and takes me right towards light and star.

* * *

Погаснут светила в полуночный час,
В преддверье крушенья эпохи –
Они пожалеют, что тронули нас,
Что песню прервали на вздохе.

Струится забвения лунная пыль,
Опустится сумрак бездонный,
Огнём погребальным взметнётся ковыль
Над Родиной снежной и сонной.

Судивший нас – с нами во мрак снизойдёт,
Кровавой напившись свободы.
Сомкнётся над нами бессмертия лёд,
Застынут мятежные своды.

Но снова заплещется Веры вода
В глазницах пустых океана.
Истеют, рассыплются в прах невода,
Развеются клочья тумана.

И в страхе изыдет полуденный бес,
И спустится Ангел с высоких небес.

* * *

The heavenly bodies will go out at night
in run-up to epoch's collapse –
and they will be sorry, that we are gone,
instead of the Song – hollow gaps.

As if a lunar dust, oblivion is flowing,
and fathomless dusk will go down,
and over the Motherland, snowy and drowsy
it will a burning feather grass be rising.

Who judged us – will go down with us to gloom,
With bloody freedom celebrating their feast.
Eternity's ice will close up over us,
the stormy firmament will freeze.

And still once again will the water of Faith
be splashed in the empty eye sockets
of Ocean – the dead water will go away to abyss,
fog's shreds will be settled on summits.

The demon will vanish from fear as Hun,
and Angel will go down from Heaven at noon.

* * *

Нам всем конец? Не верю!
Рассеется мираж...
Крадущемуся зверю
Читаю «Отче Наш».

Пусть я ещё не знаю
Ни правил, ни основ,
Но он-то понимает
Значенье вещей слов.

* * *

All of us are condemned? I don't trust!
The mirage will disperse... only hush...
I am reading to the stealing beast
Dear prayer – the "Otsche Nash"⁴.

And though I don't know yet
neither rules, nor the speech of Lord,
but He can catch the meaning
of this prophetic word.

---

⁴ Our Father

* * *

Ну, вот и закончилось лето,
Кометой сверкнув в небесах,
И осени близкой приметы
Заметны в полях и в лесах.

Туманятся крупные росы,
И травы приникли к земле,
И светятся тускло берёзы
В холодной сиреневой мгле.

В преддверии скорой разлуки
Сомненья и страхи легки.
Я без сожаленья и муки
Приемлю течение реки.

И песня моя отзвучала,
В цветах отгудела пчела,
И лодка моя от причала
Неслышно отчалила...

* * *

By a comet flashing through the skies,
there, summer has come to the end,
and the signs of the soon coming autumn
can be seen in the woods and on lands.

The dews are in fields growing misty,
and the grasses drooped close to the earth,
and the birches are gleaming so dimly,
and I pity and welcome them both.

And just on the threshold of parting
the doubts and fears are light.
I take without pity or torment
the flow of the river in sight.

Yet, song of mine faded away,
the bee doesn't hum, and lost mirth,
and somewhat inaudibly cast off
my boat from the berth.

* * *

Вьюги катятся с Ямала
Прямо к устью Иртыша...
Начинаю жизнь сначала,
Примеряясь не спеша.

Суета иного мира,
Снег летит со всех сторон...
Всё казённое – квартира,
Мебель, кухня, телефон,

Лампа и комплект постельный –
По реестру бытиё.
Лишь душа да крест нательный –
Всё имущество моё...

Я молюсь исправно Богу
И бреду сквозь непогодь.
Основательно в дорогу
Снарядил меня Господь...

* * *

Snowstorms stream from the Jamal⁵
right towards mouth of the Irtysh⁶... – and
I start living as anew,
getting into new position.

Bustling of another world,
Snow is flowing East and West...
All my property is State's:
flat, and furniture – and rest,

Table-lamp, bed linen, phone –
right to register my being.
Just the soul and body-cross –
they are mine – the only things...

Trudging through the dirt and blizzard,
I am gently praying to God.
He had thoroughly equipped me
for hard journey, dear Lord.

---

⁵ Peninsula in the North of the Siberia.

⁶ River in the West of the Siberia.

* * *

Слава Богу – всё со мной:
Ручка, чистая бумага,
Гул метели за стеной,
Огоньков ночных ватага.

Слава Богу – всё моё:
Ночь, звезда в морозной сини,
Тишина и бытиё,
На окне застывший иней.

Слава Богу – никому
Ни советов, ни отчёта...
И колеблет ночи тьму
Звёзд немая позолота.

Здесь в молчании снегов
Тишина – моя награда.
Слава Богу, ничего
Большого уже не надо.

* * *

Thanks God – all remains with me.
Fountain - pen, a sheet of paper.
Snowstorm's drone behind the wall.
And a band of night's lights, may be.

Thanks God – everything is mine:
night, the star in blue, the lot.
Quiet – and being all around.
On the window-pane hoar frost.

Thanks God – nobody to pay,
give advice, or an account...
And mute stars' golden cover
shakes the darkness of the night.

Here, amidst the silent snows,
such deep quiet – my reward.
Thanks God, that for nothing more
I am asking from You, Lord.

* * *

С зимой, похоже, всё в порядке.
Морозец спал. Снежок парит.
И по ночам на стройплощадках
Ханты-Мансийска свет горит.

Фасады высятся вальяжно
Над среднерусской суетой,
И город мой разноэтажный
Летит над сумрачной тщетой.

Когда-нибудь опять великой
Россия будет. А пока
Голубоглазые таджики
Нам строят счастье на века.

Не знают русский поголовно,
Не граждане и не бичи,
Неторопливо и неровно
Кладут ребята кирпичи...

Умы давно поистожились...
Теперь вот не хватает рук...
Когда ж Господь явит нам милость,
Освободит от вечных мук?

* * *

Apparently, that winter this time
is kind – no frost, soft snow is soaring.
And through the night at building-sites
of Khanti-Mansijsk⁷ lights are burning.

The houses' fronts rise to the height
above the middle-Russian bustle,
and flies my different-storey city
over the gloomy landscape fast.

Some happy day-again becomes
as great as was my dear land.
Yet for the present, blue-eyed Tajiks
build for us happiness on the sand.

Not knowing Russian, one and all –
they neither citizens, nor vagrants –
in an unhurried awkward way
the lads are laying bricks for us...

The brains've been long ago exhausted...
And now it came to lack of hands...
When will the God show us his favor –
and set us free of torments on the lands?

---

⁷ City in the North of the Siberia.

Законы вечные природы
Не отменить. Не осмеять.
Другие, видимо, народы
Россию будут населять.

Печальна участь человечья,
Уйдём, неся свою вину.
И незнакомые наречья
Нарушат храмов тишину.

The everlasting laws of Nature –
they can be cancelled in no ways.
Apparently, some other nations
will settle on the Russian space.

The people's fate is mostly doleful,
We'll go – and carry our guilt.
And the unknown words and speeches
will coarsely break the churches' still.

* * *

Вот наконец-то и зима.
Трещат дрова в печи.
И звёздных искр кутерьма
В редяющей ночи.

И слышно в лунной тишине,
Как тихо снег пошёл...
Никто не вспомнит обо мне –
И это хорошо.

* * *

There's, the winter is here at last,
and in the stove is the firewood's light.
Sparkling and whirling of the stars
just in the thinning out night.

You hear in the lunar still
the quiet of the snow.
Nobody will remember me –
It's good, if so.

* * *

В жизни – всё идёт по плану –
Поздно ляжешь. Встанешь – рано.
На работу – и домой.
В баню утром в выходной...
Телевизор. Гости. Дети.
Сорок лет на белом свете
Пролетели. Пронеслись.
Это – жизнь.

Дни летят неотвратно.
Что-то в цель. А что-то – мимо.
Едем с ярмарки. Как будто
И не вечер. И не утро.
Лошадей неспешный бег –
Выпал снег.

В суете и круговерти
Чаще думаешь о смерти.
Утром чувствуешь усталость.
Сколько там ещё осталось?
По ночам тревожно спится.
Сердце. Печень. Поясница.
Едем дальше не спеша...
А душа?

* * *

All in this life runs by planning –
Late to bed – and early getting
up, to work run, getting home.
Bathhouse at the Sunday's morn.
TV, welcome, children, cold.
Forty years in this world
fled past, rushed past, as a file.
This is life.

Days inevitably flash past.
Hit the target. Missed the dart.
Run from fair. Dull's the being.
There's no morning, there's no evening.
And the horses' tired run.
Snow – no fun.

In the bustle and the whirling
thoughts of death come oftener, burning.
Feeling tired, hopes are slender.
What is left in the remainder?
Anxious sleep, and sometimes fever.
Heart. Lumbago. Headache. Liver.
Running farther – rise or fall.
Where's the soul?

* * *

Критиковать и обличать
Зачем? И то – живём неплохо.
Теперь в умении молчать
Угадывается эпоха.

Пусть мы давно попали в плен
Своих несбывшихся мечтаний.
Несокрушимых истин тлен
Заменит истину исканий.

Огнём беспамятства горим,
Над бедами чужими плачем,
Всё говорим и говорим,
А думаем – совсем иначе.

Теперь и я как все – молчу.
Пусть тяжела моя дорога,
Молитвы заново учу
И об одном прошу у Бога –

Чтоб в час, когда наступит мгла,
Душа ослепнуть не смогла.

* * *

To criticize and to unmask.
What for? Let's think, we live not badly.
This epoch's special a sign –
is to keep silent sadly.

Though we are captives long ago
of dreams, not coming true in living,
still indestructible trust in idols
will substitute for truth's striving.

In the unconsciousness we rot,
over misfortunes we are crying,
and all around is idle talking,
and in hypocrisy we are lying.

Now I as you – keep silent too,
and though my way is steep and hard,
I learn my prayers as anew
for only one entreating the Lord,

that's – when the darkness covers me,
to blind my soul – God won't permit.

* * *

Пиши, пиши, писатель,
Покуда хватит сил,
Уж раз тебя Создатель
Талантом наградил.

В эпохе мутной – лишней,
Но не переживай,
Уж раз тебе Всевышний
Открыл грядущий рай.

Вдыхая сумрак скверны,
Беги пустых похвал,
Покуда Милосердный
К ответу не призвал.

В лучах коварной славы,
В круговороте дел
Молись, чтобы лукавый
Тебя не одолел.

Бесовских игрищ зритель
Не забывай Христа,
Уж раз тебе Спаситель
Слова вложил в уста.

* * *

Write, write, if you are writer,
till you the hand can lift,
if the Creator gave you
this magic happy gift.

In troubled times – unwanted.
But don't you take it hard,
if the Almighty opened
for you the happy card.

In breathing gloomy sewage
push off from idle praise,
till didn't call to account
the Merciful for pays.

In rays of treacherous glory,
and in the flow of deeds
pray, that the cunning demon
didn't overcome you. Heed!

In watching tricks of devil
you don't forget the Lord,
if our Savior did it –
put in your mouth the words.

* * *

Куда бы жизнь нас дальше ни вела,
Доказываем те же теоремы –
Кого-то ждут великие дела,
А остальных – великие проблемы.

Ну, чем не угодил нам отчий дом?
Но вновь простые истины отринув,
До основанья рушим. А потом –
Закончим жизнь в дымящихся руинах.

И мы уже – толпою у дверей –
На выходе. В конце последних сроков.
Дай Бог простить слепых поводырей,
Дай Бог простить глухонемых пророков!

Дай Бог прозреть. Хотя бы и тогда,
Когда душа уже не отзовется,
В тот миг, когда забвения вода
Над головой стремительно сомкнется.

* * *

Wherever life would lead along its road,
we demonstrate, as theorems, the same –
for someone wait great deeds and higher fame,
for all the others – waits a heavy load.

Say, what was wrong in our native home?
But once again the simple truth's rejected,
we pull down all, we've built, to foundation,
and stay in smoldering ruins, not erected.

There is a crowd already by the doors
of exit. In the end a queue of sophists.
God help us to forgive the stray blind guides,
God help us to forgive the deaf mute prophets!

And God permit to see the light at times,
when our soul will not respond to call,
just when fast-flowing waters of oblivion
will close up over us – and fall.

* * *

В порыве страсти окаянной
Мы сокрушили русский дом.
Эпоха будет безымянной,
Ну а беспамятной – потом.

Мы научились поклоняться
Животной страсти естества,
И будет радостно смеяться
Иван, не помнящий родства.

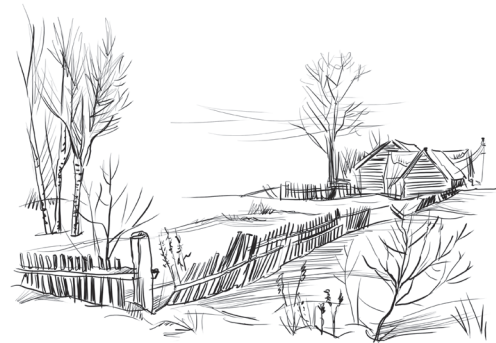
И крик последнего урожая
Полночный ветер вдалеке умчит,
А равнодушная природа
В ответ, как прежде, промолчит.

* * *

In the upsurge of the damned passion
we smashed to pieces Russian home.
Anonymous must be this epoch,
and then – unconscious, filled with foam.

We learned to bow low at the power,
brute's in the East, brute's in the West.
Ivan who doesn't remember kinship,
will gaily laugh at life and death.

And when the last of bastards yells,
the midnight's wind will hurtle the spam.
And the indifferent Nature round us
remains as ever deaf-and-dumb.

* * *

Беда не в дураках и не в дорогах,
А в том, что, потеряв свой путь в глуши,
Мы с покаянием не взыскуем к Богу,
Не веруем в бессмертие души.

То плачем, то смеёмся без причины,
Не ведаем ни правил, ни основ,
И гнёмся, как осенние осины,
Под сумрачным стенанием ветров.

Не разбирая глупости и вздора,
Завидуя судьбе заморских стран,
Мы превозносим то глупца, то вора,
Устало вперив взор в телеэкран,

А он горит голубоватым светом
И, кажется, едва чадит при этом.

* * *

Misfortune's not in asses, not in roads –
it is – that being drunk with vodka's bottle,
we don't repent of our sins to God,
we don't believe, that Soul is immortal.

Now we are crying, now are laughing,
no reason to both, no rules or foundations,
and we are bowing like an autumn's aspen,
and suffer from winds' gusts with patience.

Not recognizing foolishness or nonsense
with spiteful envying the fate of other countries,
we sing the praises of a blockhead or a thief,
stupidly watching the TV-screens,

their radiation is so long, and patient,
and seems to turn into intoxication.

МОЯ УДАЧА

Моя удача
Не проживает в элитном доме,
Не разъезжает на автомобиле
последней моды,
Не носит дорогих костюмов,
Не восседает в почётных президиумах,
Не курит роскошных сигар,
Не пьёт эксклюзивных коньяков...

Моя удача
Ходит в городскую баню по субботам,
Пьёт пиво с бывшими одноклассниками,
Читает стихи студенткам
И улыбается продавщицам цветов.

Моя удача
Не интересуется учётной ставкой
и курсом валют
И ходит по воскресеньям в церковь,
Только вот всё реже и реже видится со мной,
У неё ведь есть дела поважнее.

MY FORTUNE

My fortune
doesn't reside in elite home,
it doesn't drive the car of latest model,
it doesn't wear costly clothes,
nor sits at the presidiums of honor.
It doesn't smoke luxuriant cigars,
or drink exclusive brandies...

My fortune
goes to the city bathhouse at the weekends,
drinks beer with the former schoolmates,
reads poems to the students,
and smiles at women, selling flowers.

My fortune
doesn't mind the tax rates, or exchange rates,
but goes to church on Sunday mornings.
Yet, it is meeting with me seldom,
still more seldom.
It has so many things to do –
which are more weighty.

* * *

Вагончики. Сарайчики. Балки.
Избушки кособокие. Бараки.
Мы были от Европы далеки,
А завтра будет хуже, чем в Ираке.

Мы миру продаём и нефть, и газ,
А сами кое-где сидим без света.
Ну кто, скажи, подумает о нас,
И от кого мы нынче ждём ответа?

Лежат снега. И в царствии тайги
Наступит утром тишина такая,
Что слышно мне движение реки,
Что подо льдом течёт, изнемогая.

* * *

Trucks and gullies, barns and sheds,
crooked huts, wooden barracks⁸.
We are far from Europe – then
it'll go worse than in Iraq.

We are selling crude oil, gas,
while here and there we are staying in darkness.
Who, may I ask, will care about us?
From whom we may today await an answer?

The snows are all around. In the taiga's realm
there sets in suddenly such boundless quiet,
that you can hear well the river's stream,
that's flowing under ice, worn-out.

---

⁸ barrack – a wooden building for many families with a common kitchen and lavatory.

* * *

Места для боли в душе не осталось.
 Пламя пожара в душе отметалось.
 Нынче и пепел остыл.
 Было Отечество. Было – и нету.
 Ветер гуляет по белому свету
 Между остывших светил.
 Солнце светило.
 А нынче не светит.
 Может, хоть кто-нибудь это заметит –
 Кто-нибудь, кроме меня?
 Как закружились, змеясь и ликуя,
 Едкого дыма лиловые струи,
 Тусклые блики огня...
 Господи, дай же им разум и силы!
 Дай им очнуться у края могилы,
 Пусть содрогнётся земля!
 Или лиши меня скорбного дара
 Видеть зловещее пламя пожара
 Над куполами Кремля.

* * *

There's no place left for pain in the soul,
 fires, destined to rise - and to fall,
 even the ashes got cold.
 Whirling of winds over people and lands
 among the frozen souls and heads,
 where's our silver and gold?
 The sun was shining. Now, strangely, is not.
 May be, that someone will notice the rot –
 Someone except only me?
 Look, how are whirling, rejoicing, the torrents –
 of pungent smoke darkly-violet currents –
 dim specks of light, as if split...
 Good Lord, do give them the force and the reason,
 may they regain their wits in the prison!
 Save their souls and homes!
 Or of the sorrowful gift do deprive me –
 to see the ominous flames of the fire
 over the Kremlin domes!

* * *

Не зарекайся никогда –
Нежданною придёт беда,
Негаданно наступит срок
И время выполнять зарок.
И будет бесконечна ночь,
И ты не сможешь превозмочь
Слепому разума испуг,
И станешь беззащитен вдруг,
В сомненье скорбном дрогнет дух,
И дважды прокричит петух.

* * *

Never you promise to give up –
Misfortune comes without warning,
quite unexpectedly, as message,
or time to carry out the learning.
And – endless - will set in the night,
and you'll have no desire or might
to overcome the blind alarm;
and you'll become defenseless, dumb;
in mournful doubt trembles the heart,
and twice will crow a cock at night.

РОЖДЕСТВО

В церкви тихо. За окнами синими
Хлопья снега, неспешно летящего,
В серебристо-берёзовом инее
Очертания города спящего.

Снегири, как шары новогодние,
Украшают столетние ели,
И сомненья тревожат – сегодня ли
Вдруг отступятся злые метели,

И рассеется темень вселенская,
И застынет, притихнув, природа,
И зажётся звезда Вифлеемская,
Озарив полумрак небосвода.

CHRISTMAS

The church is mute. Behind the window's blue
the flakes of snow in an unhurried flitting,
and through the silvery hoar frost of fur-trees
are seen the outlines of deeply sleeping city.

Three bull-finches, just like new year balls,
well decorate the old tree in the yard.
I'm excited – what if just today
the evil blizzards will blow not so hard...

And the nature will stand still in waiting,
and the darkness disperses towards night.
And there burns up the Bethlehem star,
lighting up vacant haze of the sky.

* * *

Живу предвкушением чуда,
Застыв у беды на краю.
А рядом – заклятый Иуда
Готовит измену свою.

Не строит улыбчивой рожи,
Не прячет козлиную статью,
И думает – как подороже
Остатки державы продать.

Пусть будет прозрение поздним,
Пусть будет печальным итог,
Останутся небо и звёзды,
Останется солнце и Бог.

Да вечное русское поле,
Где ветер гуляет на воле.

* * *

My life – expectation of wonder,
I stand my ground at the trouble's brink.
And near me – the cursed Judas
prepares his treachery for me.

Parading his ugly goat's build
and grabbing whatever the best,
he only thinks, how more costly
to sell out the Russia's rest.

May it be too late for the insight,
may it be too bad the last sum;
the skies, and the stars will remain,
and also – the God, and the sun.

And also – the eternal Russian field
with strolling at large native wind.

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН родился 10 сентября 1961 года в городе Мурманске. Отец – полярник, участник арктических экспедиций, мать – врач.

В 1978 году окончил среднюю школу № 47 в Мурманске. В 1977 – музыкально-хоровую студию при Мурманском отделении Хорового общества РСФСР по классу фортепиано. Занимался спортом. Победитель и призёр областных соревнований по лыжным гонкам и лёгкой атлетике.

В 1978 поступил в Ленинградский электротехнический институт им. М. А. Бонч-Бруевича.

В 1984 окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Н. А. Вознесенского и заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького в 1993 году.

Член Союза Писателей России. Академик Петровской академии наук и искусств, Российской академии естественных наук, Международной славянской литературной академии наук (Болгария). Президент литературного благотворительного фонда «Дорога жизни».

Печатался в журналах: «Звезда», «Нева», «Молодая гвардия», «Наш Современник», «Российский колокол», «Юность», еженедельниках «Литературная Россия», «Литературная газета» и др. Автор более двадцати книг стихотворений, прозы и публицистики. Отдельными изданиями выходили книги на французском, английском, сербском, чешском, китайском, греческом, венгерском, болгарском, татарском, белорусском, немецком, армянском, эстонском, азербайджанском, финском языках и на иврите.

Лауреат международных и литературных премий.

DMITRY MIZGULIN was born September 10, 1961 in the city of Murmansk. He graduated from the Leningrad Financial-Economic Institute named H. Voznesensky in 1984, and the Institute of Literature named M. Gorky in 1993.

A member of the Writers' Union of Russia. Published in the journals "Zvezda", "Molodaya Guardya", "Nash Sovremennik", "Yunost", "Neva", weeklies "Literary Gazette" and "Literary Russia".

He has published over 20 books of poetry and prose. Separate editions of the book came out in French, Czech, Serbian and Ukrainian.

Winner of international and Russian literary awards.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАРАЯ ЛАДОГА	6
«Дни нашей жизни коротки...»	8
«Он шёл толпе наперекор...»	10
«Какая осень! После бани...»	12
«Скоро мы оставим мир подлунный...»	14
«Молюсь исправно Богу. Но...»	16
«Весной обычно спится плохо...»	18
В СТАРОЙ КОРОЛЕВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ	20
«Ты ждал наступления зимы...»	22
«Похоронив отца и мать...»	24
«Погаснут светила в полуночный час...»	26
«Нам всем конец? Не верю!...»	28
«Ну вот и закончилось лето...»	30
«Вьюги катятся с Ямала...»	32
«Слава Богу – все со мной...»	34
«С зимой, похоже, всё в порядке...»	36
«Вот наконец-то и зима...»	40
«В жизни – всё идет по плану...»	42
«Критиковать и обличать...»	44
«Пиши, пиши, писатель...»	46

CONTENTS

THE OLD LADOGA	7
The days of our life are short...	9
He walked alone against the crowd...	11
Look, what an autumn! After bathhouse...	13
We shall leave soon the sub-lunar world...	15
I pray to God – right as I should...	17
In spring you badly sleep at night...	19
AT THE KING'S OLD OBSERVATORY	21
You waited for winter's approach...	23
I buried Mom and Dad in bad times...	25
The heavenly bodies will go out at night...	27
All of us are condemned? I don't trust!...	29
By a comet flashing through the skies...	31
Snowstorms stream from the Jamal...	33
Thanks God – all remains with me...	35
Apparently, that winter this time...	37
There's, the winter is here at last...	39
All in this life runs by planning...	43
To criticize and to unmask...	45
Write, write, if you are writer...	47

«Куда бы жизнь нас дальше ни вела...»	48
«В порыве страсти окаянной...»	50
«Беда не в дураках и не в дорогах...»	52
МОЯ УДАЧА	54
«Вагончики. Сарайчики. Балки...»	56
«Места для боли в душе не осталось...»	58
«Не зарекайся никогда...»	60
РОЖДЕСТВО	62
«Живу предвкушением чуда...»	64
Об авторе	68

Wherever life would lead along its road...	49
In the upsurge of the damned passion...	53
Misfortune's not in asses, not in roads...	55
MY FORTUNE	57
Trucks and gullies, barns and sheds...	59
There's no place left for pain in the soul...	61
Never you promise to give up...	63
CHRISTMAS	63
My life – expectation of wonder...	67

Литературно-художественное издание

Дмитрий Александрович
МИЗГУЛИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Переводы на английский

Редактор В. А. Рыбакова
Переводчик С. М. Рабинович
Дизайн, вёрстка – А. А. Евменова

Подписано к печати 12. 03. 2025. Формат 60x90/32
Бумага «Колор Файн». Печать офсетная,
гарнитура «PT Serif». Печ. л. . Тираж 200
Заказ .

***

Отпечатано в типографии «Любавич»
Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9
Телефон/факс: 8 (812) 603-25-25, 8 (812) 333-96-06